

18+

ЕВГЕНИЙ ИМИШ

ЖИВОЙ УГОЛОК

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Евгений Имиш

Живой уголок. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Имиш Е.

Живой уголок. Сборник рассказов / Е. Имиш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519699-6

Книга «Живой уголок» составлена из совершенно не похожих друг на друга рассказов. Объединяет их автор, и его легкое отношение к литературе. Литературу он, скорее, изображает или играет в нее — «такой бы мне хотелось видеть комедию, такой — сказку о любви, в такой, хрестоматийной или, скажем, „ламповой“ манере, я вижу сегодняшнюю постиронию...» и прочее, и прочее. В книге есть и элементы фантастики и стилизации, и даже пара сиквелов на тему рассказов, размещенных в этом же сборнике. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-519699-6

© Имиш Е.
© Издательские решения

Содержание

Живой уголок	6
Там, где никого нет	6
Житие отца Гермогена	16
Вальс	23
Собака Солнца	27
Когда Прасковья умерла	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Живой уголок

Сборник рассказов

Евгений Имиш

© Евгений Имиш, 2021

ISBN 978-5-0051-9699-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Живой уголок

сборник рассказов

Там, где никого нет

Недалеко от станции «Лось». Типовой дом И 209 А утопает в зелени. Бока в серую клетку – керамзитобетонные блоки в сорок сантиметров. Фасад сплошь ячейки лоджий. По центру ржавые жалюзи балконов лестничной площадки – четырнадцатикратный оскал.

На шестом этаже, в одной из однокомнатных квартир дома семья стариков. Дверной проём на кухню – клеёнчатое полукружие стола, старый буфет в гигантском пенсне. Из-за косяка – закопчённый козырёк плиты. В жарком пространстве медленно переваливаются две тучных фигуры в домашних халатах.

Та, что, побольше – бабушка Валя. От неё равнодушие и насмешка. Она во время войны копала окопы и сбрасывала какие-то зажигалки с крыш. Поменьше – бабушка Маня. Она прабабушка. И от неё покой и тишина. Последняя видела царя! Она видела кого-то такого, кого не видел никто.

Но почему-то на прабабушку всегда все кричат.

Вот и сейчас бабушка Валя гремит противнем и прикрикивает: – Ну что ты вы там копаетесь, мама?! Идите отдохните. Вы только мешаете. Миша!!! Миша!!! – бабушка Валя зовёт дедушку. В пушистой комнате сумеречно. Под торшером, на диване высокий жилистый старик читает газету.

Огромный стоптанный тапок.

У деда белые усы, белые волосы и на запястье под рябой кожей страшный бугорок. Осколок. С войны. Который каким-то образом гулял по всему телу (прямо внутри!) и вот в этом месте остановился. Дедушка Миша строгий и ворчливый. На крики из кухни он лишь раздраженно встряхивает газету.

Всё это из прихожей видит маленький Алексей.

Впечатления от осколка и от двух бабушек, разумеется, принадлежат ему, пятилетнему мальчику которого мама привозила в Лось на выходные. Суета его не трогает. И сам он, кажется, забыт предками. Он стоит напротив распахнутой двери туалета (когда там никого нет, дверь почему-то постоянно раскрыта настежь) и занят своими мыслями. Он думает, что, когда в туалете никого нет, дверь открыта и свет выключен. Чёрный дверной проём, в котором угадываются очертания унитаза, раковины и ванны. Это обыкновенно, и пространство, представляющее перед Алексеем, ничем не примечательно. Но вот если закрыть дверь...

Алексей закрывает дверь и прислоняется к ней ухом. Он вслушивается в пространство, в котором никого нет. Ему интересно: как там, где никого нет? Он думает, что если включить свет, то будет ещё необычнее. Алексей щёлкает выключателем и припадает глазом к дверной щели. Он всё видит: освещённая плитка, тюбики зубной пасты, щётки на умывальнике. Всё одиноко и волшебю покоются в пространстве, в котором никого нет.

Алексей вспоминает, что, когда в туалет заходит, например, бабушка, дверь закрыта, в просветах мелькает её цветной халат и слышны разные звуки. Туалет наполнен её присутствием. А теперь звуков нет, ничего не видно, но Алексей включил свет и наблюдает. За кем или за кем он наблюдает? Как будто за чьим-нибудь отсутствием? Но чего-то не хватает. Вот, скажем, он в любую минуту может распахнуть дверь...

Раз!

Алексей открывает дверь, таинственность пустого туалета рассеивается, и мальчик в ту же секунду понимает, что всё дело в двери. Чтобы наблюдать чьё-нибудь отсутствие, нужно, чтобы всё было, как в чьё-нибудь присутствие. Алексей смутно понимает, что это так. Но только с маленькой поправкой – отсутствие не чьё-нибудь, а просто. Самостоятельное. Само по себе. От этой мысли мурашки и нестерпимое любопытство.

«Туалет оживет, если запереть дверь, – думает Алексей. – Причём изнутри».

Через прихожую, не обращая внимания на внука, проходит бабушка.

На кухне по-прежнему гремят плита, толкаются старухи, стоит пар и запах жареного.

С появлением деда возникает перепалка, в которой упрямые старческие голоса вытесняют тихое и слабое лепетание прабабушки. Наконец и сама она выходит и обиженно несёт тишину в комнату.

А Алексей уже несколько минут пытит над щеколдой, прикреплённой с внутренней стороны двери. Снаружи, ковыряясь проволокой и ниткой, он пытается защёлкнуть её изнутри. Это не просто. Проволока через щель упирается в задвижку, но зазор такой мизерный, что продвигать этим касанием щеколду едва удаётся. Нитка наброшена на рычажок и за счёт вертикальных движений помогает проволоке. Приспособления скребут и елозят между косяком и дверью. Тусклая металлическая поверхность задвижки покрыта белыми крапинками краски, и их пошаговое движение Алексей внимательно отслеживает в щели. Маленький засов перекрывает просвет, попав в уготованное для него отверстие. Мальчик дёргает дверь, и она не поддаётся. Чудо свершилось.

Алексей в благоговении стоит перед закрывшимся туалетом.

Большой прямоугольник двери, украшенный пластмассовым писающим мальчиком по центру и обрамлённый, как теперь оказалось, ослепительной световой полосой, предстал перед ним потусторонним существом. Алексей смотрит на него широко раскрытыми глазами и почти не дышит. Туалет сам закрылся от всех и там, внутри себя, и при зажжённом свете, сам в себе присутствует. Кажется, что сейчас в его пустом чреве возникнут обычные туалетные звуки – шум воды, журчание сливного бочка, шелест бумаги. Что сейчас он закричит, затопает, громко щёлкнет щеколдой и выйдет сам из себя. Алексей пятится и садится на галошник. Ничего не происходит. Тёмная прихожая, тяжёлый массив одежды над притихшим ребёнком и величественная дверь туалета в световой раме.

Несмотря на удивление, Алексей всё же на секундочку посетовал на то, что он не может увидеть, что там сейчас происходит. Ему бы хотелось побыть там, где никого нет, но мысль о том, что в таком случае туалет уже не был бы пустым, а в нём находился бы сам Алексей, приводила в ступор. Невозможно быть там, где никого нет. С этим не хотелось мириться. Но это неумолимо подтверждал закрытый теперь от всех туалет.

Из кухни выходит дедушка. Он дёргает дверь туалета. Ворчит и возвращается назад в кухню. Алексей видит, что дедушка невольно обращается с туалетом как с живым. Туалет его не пустил, и дедушка ушёл. Всё это, конечно, подстроено самим Алексеем, но от этого волшебность запёртого пространства кажется ему ничуть не меньшей.

Вскоре и бабушка Маня проделывает то же самое. Алексей предчувствует скандал. Но, по-прежнему оставаясь трепетным свидетелем того, как туалет заявляет жильцам о своей самостоятельности, мальчик прячется во мраке прихожей и азартно блесит оттуда круглыми глазами.

Водевильные перемены прекращает дедушка.

– Мама! – кричит он сквозь дверь. – Вы там заснули?!

– Валя, – обращается он к жене. – Давно она там?

– Я не ходила, – плаксиво говорит бабушка Маня, выходя из комнаты.

Дедушка вопросительно смотрит на Алексея.

Алексею уже всё ясно. Крикнув: «Это я закрыл!», он бежит из прихожей и залезает под кровать бабушки Мани. Широкая кровать стоит в нише комнаты и имеет подступ с одной стороны. Алексеем неоднократно проверенно, что достать его из-под неё у деда получается только клюшкой, чего бабушки обыкновенно не позволяют делать. В пыли и паутине, плотно прижавшись к стене, Алексей слушает, как в прихожей ругаются старики. Они гремят дверью закрывшегося туалета и бесцеремонно пытаются попасть туда, где никого нет.

* * *

Микрорайон Бескудниково. Дом серии П – 18/22. Девятиэтажный боровичок в красной амуниции – внешняя верста: кремлёвский кирпич. На седьмом этаже в двухкомнатной квартире Алексей живёт с мамой. Рассудительным, послушным и очень странным предметом обожания уже немолодой женщины. С мамой они одной светлой масти и у них одинаково длинные шеи, хрупкие подбородки и тонкие волевые губы. У Алексея другие глаза. Против спокойных узких материнских – большие, серые, всегда с напряженным взглядом, глаза психа. Два этих беспокойных всплеска не вяжутся с образом спокойного домашнего ребёнка. Они же усугубляют впечатление от некоторых его чудачеств.

Почти весь шестой год своей жизни Алексей проводит на шкафу. То есть ночевать ему там не позволяют, но вот на том, чтобы играть или даже обедать и ужинать на нем, он настаивает.

В маленькой комнате большой трёхстворчатый шифоньер. Глыба в тёмной полировке словно облита жидким шоколадом. На шкафу из мягких игрушек гнездо, и в гнезде – мальчик. Из смежной комнаты, держа в руках тарелку с макаронами и чашку с компотом, семенит мама.

– Лёшка, ну, поешь хоть раз по-человечески. Дурында ты моя.

Из вороха игрушек звонкий смех.

– Это ты дурында.

– Ну что там у тебя, штаб? Или что? Космический корабль?

Обеспокоенная отсутствием нормальных детских объяснений, мама сама пытается их выдумать.

– Ма, какую ты глупость говоришь!

Светлая голова Алексея появляется над фигурками мишек и кошек.

– У меня тут не штаб никакой.

– А что, Алеша? Ну вот объясни мне.

Мама уже привычно раздвигает плюшевые завалы и ставит на шкаф еду.

Она прочла множество сказок сыну, но ни разу не слышала от него подражаний прочитанному. Никаких гномов или эльфов, добрых или злых волшебников. Ничего.

– Ну, расскажи, – большое её лицо, словно лошадиная морда, меланхолично замирает у края шкафа. Алексей порывисто встаёт. Голова его едва касается потолка. Маленькая фигурка вождя на несоизмеримо большом постаменте. Шлёпает по потолку ладошкой.

– А ты не достанешь... А я вот смотри – шлёп, шлёп – и вот здесь – шлёп, шлёп – это недостающее такое, вышистое, само по себе. А я тут! Вот так вот!

В некотором роде это продолжение истории с туалетом.

Десяток игрушек ломается пополам в поисках пространства, в котором никого нет. Очарование рассеивается с их количеством и по мере взросления мальчика. Обескураживающее понятие пустоты проникает в маленького исследователя с пониманием искусственности заключённого пространства, его доступности, а также в некоторых случаях невосполнимости его тайны. Пластмассовый шарик теряет своё герметическое обаяние мгновенно. Стоит его только проткнуть, как Алексей понимает, что уже вторгся в необитаемую сферу, и даже подсматривание в проделанную дырку не вызывает былого трепета. Полые предметы уступают место монолитным. Однако раскалывание камней, разламывание деревяшек, распиливание индейцев и ковбойцев быстро надоедает. В награду за тяжёлую работу (например, настольный бронзовый бюст Пушкина так и не поддался) Алексей получает незначительные сколы заповедной текстуры. Пористые или слоёные, они лишь на мгновение удовлетворяют мальчика. Они – «муравьиные». Так называет их про себя Алексей. Взор его, впрочем, ещё продолжая мечтать о внутренней тайне, устремляется вовне.

Алексей живёт на шкафу. Он получает необъяснимое удовольствие от недоступных поверхностей. На жёлтых обоях его комнаты изученный им с младенчества узор – симметричные фрагменты вычурных растений: колечки листьев и стеблей, по убеждению мальчика, складывающиеся в лохматую мордочку. Под потолком, куда не в состоянии добраться даже мама с тряпкой, эта растительная мордаха светлее и чище. Ничто не касается этого уровня годами. Периметр загадочных мордочек. Сфинксы над жилым пространством.

Алексей, лежа на спине, подолгу держит руку на холодной стене, и глаза его при этом тревожно замирают на соприкосновении. Он словно боится спугнуть необитаемость этих высот и в то же время осторожно приучает её к своему присутствию.

Но особенное чувство вызывают углы.

Алексей на краю шкафа. Под ним диван с задремавшей мамой: она – в халате и шерстяных носках – спит как рыбка на берегу: скованно, на боку, в позе, в которой закрытые глаза выглядят неестественно. Соответственно на шум падающей игрушки мама просыпается одними глазами.

– Лёшенька... – испуганно шепчет она.

В рубашке навывпуск и растянутых колготках Алексей похож на крадущегося домового. Шкаф немного отстоит от угла комнаты, и Алексею приходится опираться одной рукой о стену и тянуться, тянуться... Чтобы дотянуться до угла под потолком. Угол – уже не поверхность. Он уже подобие ограниченного пространства, в котором никого нет. Поэтому Алексей, дотянувшись, не трогает стену или потолок. Он держит руку на весу, в самом углу и крутит кистью так, будто она переливается разноцветными огнями.

– Лёшенька, что ты делаешь?

Алексей не отвечает. Он весь поглощён присутствием своей руки в заповедной зоне. Тело его напряжённо сохраняет равновесие, а глаза зачарованно застыли на руке. Со стороны кажется, что ребёнок пытается коснуться чего-то невидимого. Мама вскакивает, подбегает к шкафу, стоит под сыном.

– Что там? Что ты видишь, сынок? Скажи маме.

– Тише, ма! Смотри, где у меня рука. Ты же там не была? Никогда-никогда? Там ведь никто, никто-никто-никто не был, да?

– Не был. Да.

Мама снимает Алексея со шкафа.

– А давно наш дом построили? Ещё когда меня не было?

– Давно, Лёша, давно.

– А строители, они ведь тоже там не были?

– Строители были. Они же это построили!

– Нет!

Алексей обрывает маму так, что она вздрагивает.

– Строители там не могли быть.

– Почему?

– Вот ты же меня родила, а вот в носу у меня никогда не была.

Алексей вдруг показывает язык и смеётся. Мама укоризненно качает головой.

– Ах ты моя дурында. Что же ты меня пугаешь-то так?!

* * *

Под балконом гигантская стройка – трепанация бомбоубежища. Под свинцовым небом, в грязевом разливе кратер кишит людьми и техникой. Ряд домов, в одном из которых живёт Алексей, – в вечном марше на краю бездны. Возглавляет колонну Москворецкая башня – четырнадцатизэтажная студентка, облаченная в накидку из кирпича. Замыкает строй дом серии П- 18/9, блочный альбинос в девять этажей – голый.

Алексей приехал из школы и задумчиво озирает окрестности.

Давно миновал шкафный период. Алексею восемь лет, он сам ездит в математическую школу и, если и вспоминает детские причуды, то не иначе как со снисходительной улыбкой. Родное жилище растеряло свои тайны и поблекло до обыкновенного уюта квартирной коробки. Подпотолочные углы ближе и понятней. А когда мама выгребает из них паутину шваброй, просто смешны. Алексей убеждён, что искать самостоятельные ниши в обжитом пространстве бессмысленно.

Стоит на балконе и смотрит на кирпичную кладку своего дома.

Осенний ветер треплет светлые волосы и со свистом скользит по кирпичной поверхности. Метрах в трёх от Алексея наружная сторона стены его маленькой комнаты. Она переходит в угол, разрезающий пространство на уровне седьмого этажа. Величественная, дикая, вертикальная грань, вырастающая из фундамента в крышу и остающаяся такой в любое ненастье. Алексей представляет себе кирпичный угол ночью в сильный ветер. Или в дождь. Или в мороз. В воображении мальчика он лишь бесстрастно смотрит на мир.

Из балконного колчана Алексей достаёт лыжную палку. Стучит ею по дому, ближе к углу, насколько её хватает. Металлический наконечник глухо цокает о кирпич. Алексей с силой скребёт цемент, пробует врезаться в него. Красный панцирь неуязвим. Высоко над котлованом, под шум строительной техники и свист ветра, маленький дон Кихот щекочет копьём каменное чудовище.

Так или иначе, а история продолжается.

Необъяснимая страсть ребёнка находит достойный объект.

Внешняя поверхность стены поражает своей одинокой самостоятельностью. Алексей думает, что, если даже как-нибудь ухитрится жить на её высоте – к примеру, прикрепив гамак, – она не потеряет своей чужеродности, отстранённости и самодостаточности. Ей всё равно. И в то же время у неё – грозной, жёсткой, ледяной – удивительным образом есть обратная сторона. Привычная, украшенная растительными мордочками и занавешенная ковром – стена в его комнате.

Алексей с балкона заглядывает в квартиру. Смотрит на перекрытие над окном и пытается определить толщину стен. Примерно полметра. Расстояние, на протяжении которого обыкновенные кирпичи, один подле другого, друг на друге, скреплённые цементом, становятся жилой полостью для него и его мамы и подобострастно, униженно, с рабской покорностью позволяют себя обклеивать и украшать. Расстояние от полюса до экватора, от ледника до оранжереи, от вершины до мышинной норы. На этом расстоянии, в самой стене, в сочленении двуличных стен – тайна! И у Алексея есть кое-что, чтобы разгадать эту тайну.

Мальчик бежит в комнату, прыгает на диван и просовывает голову под настенный ковёр. Душный сумрак, силуэты кружев на обоях и тоненькой нервной линией по ним – трещина. Возле неё заканчивается каждый приступ очарования неприступной стеной. Алексей припадает ухом и замирает. Висок и щёку лижет едва уловимая струйка холодного воздуха. Слабый её высокий свист долетает до слуха из недр стены. Алексей так заморожен сквозняком – воздухом, доходящим до него сквозь таинственную толщу в первоначальной своей дикости – что не слышит, как мама приходит с работы и кричит на всю квартиру.

– Леша! Лёша! Ты дома?

Мама, в плаще и сапогах, – напротив дивана. Смотрит, как её сын сидит за ковром.

– Леша, Леша, очнись. Вундеркинд ты наш. Что там опять?

– Там, мама, что-то есть, – Алексей выныривает из-под ковра уже в образе саванта математика..

– Неужели?! А помнишь, ты маленький всё говорил, – там никого, никого, никого нет!

Мама насмешливо делает круглые глаза.

– Трещина там, ма. Дом в аварийном состоянии. А тебе всё хиханьки.

– Что у тебя в школе, дурында?

– Всё как обычно – я гений...

– Ты пойдешь со мной к тётё Лене?

Алексей нехотя соглашается. У подружки мамы его ждёт скучное времяпрепровождение с Геней, сыном тётки Лены, ровесником и, вроде бы как считается, – его другом. Они выходят на улицу, Алексей задирает голову. Скользит по высотным углам своего дома. Клетчатые поверхности под пасмурным небом видятся ему лбами. Угрюмыми, высокими красными лбами во все стороны.

От железнодорожной станции Слободка через дорогу – дом серии 1605 – АМ/12. Новорожденные панели в простынях. Двенадцать этажей насмешливых глаз.

В трёхкомнатной квартире на пятом этаже, похожая парочка – тётка Лена и её восьмилетний сын Гена. Серванты, ковры, журнальные столики и люстра с искрящимися висюльками. Притягательно белые предплечья и благоухание чужой мамы. Алексей с любопытством считает комнаты, косится на странный телевизор без ножек и стеснительно подгибает пальцами ног растянувшиеся носки.

Детей отправляют в комнату. Гена – смуглый, язвительный – показывает игру: пластмассовая машинка на вращающемся шоссе. Но Алексей подавляет в себе интерес – Ерунда! Металл, магнит. Всё же просто. Тем не менее Гена, высунув язык, жужжит моторчиком.

Вдруг Алексей в ужасе замирает посередине комнаты. Под ногами вибрирует пол, за шторами дребезжат стёкла, и Алексей простирает руки в стороны, словно пытается ухватиться за воздух.

– Что это? Что это? Слышишь? Дом.

Гена высокомерно хихикает.

– Ну ты даёшь! Ботаник. Обоссался? У нас же железка рядом. Чух – чух. Четырёхвагонка. Дом трясёт.

– Как это трясёт? Дом прямо?!!

Алексей подбегает к окну. Уже темно. Мокрые машины на мокром асфальте и за ними пустые серые перроны под тусклыми фонарями. Электричка ушла. Алексей припадает к косяку, держится за подоконник, переходит от стены к стене. Следующую так и не дожидается.

Оставшийся вечер и всю дорогу Алексей не произносит ни слова.

Чужой вибрирующий дом производит на него такое впечатление, что на подступах к собственному он втягивает голову в плечи. В подъезде старается быть подальше от стен.

Ему страшно. И гадко. Как будто он находится в чьём-то гигантском желудке. А когда дрожь двенадцатиэтажного дома всплывает в памяти, трудно дышать.

Мама трогает его лоб. Сетует на его бледность. Укладывает спать. Алексей отползает на край дивана, подальше от трещины. Из неё шквальный ветер и оглушающий свист. Гаснет свет. Стены деформируются, поворачиваются, складываются как доминошки. Потолок опускается и давит на лицо. Алексею кажется, что губы его плющатся о штукатурку, лёгкие наполняются строительной крошкой, в суставах, от невозможности пошевелиться, страх. Или боль. Кирпичная коробка переваривает пищу. То ли во сне, то ли в полудрёме Алексей кричит.

– Доооооом! Мамаааа! Дооооооом! Бежиииииим!

* * *

Алексею четырнадцать лет.

Нескладный худой подросток в очках, в шапке белых волос и с жёсткой взыскательностью на лице. Он последовательно выигрывает математические олимпиады – школьную, городскую, общероссийскую. Параллельно – забирается во все чердаки и подвалы окрестных домов. Мама считает, что он болен клаустрофобией. Исключительно потому, что Алексей бледнеет в замкнутых пространствах. Она не замечает, что происходит это только в жилых зданиях, и не знает о том, что её сын предпринимает вылазки по техническим помещениям, совершенно невозможные для человека с такой фобией.

А для Алексея это возраст последнего смятения.

С годами его необъяснимое романтическое влечение к домам усиливается и приобретает почти мистический характер. А вот их жилищно-коммунальная, бытовая подоплёка, убивает, уничтожает или, как минимум, унижает его тайную страсть. Алексей брезгливо морщится при виде занавешенных окон. Остеклённые балконы вызывают в нём хулиганский азарт. Нумерация домов – приступ негодования. Рекламные щиты – ярость.

В бабушкином доме, блочной башне серии И209А, под закопченными балками чердака, Алексей подолгу сидит над «грядкой» решеток вентиляционных отверстий. В них лужицы света. Душные испарения кухонь. Далекие голоса жильцов. Сотни людей в чреве дома едят, спят, приколачивают к нему свои портреты. Алексей в бетонной нише между крышей и сотами квартир – как на вершине священной горы. Как в кино какой-нибудь последний индеец апачи. В пещере поруганной святыни молится и ждёт гнева горы. Люди там, в глубине под ним, – ненавистны.

В своём доме серии П. – 18/22 на крышу он залезает в ветреную погоду. Перед входом на чердак, под потолком – люк поддувала. Алексей змеем заползает туда и оказывается в кирпичном мешке, крытом жестяными скатами. В мешке ни соринки, напоминающей о человеческом присутствии. Ветер гремит железом над головой, свистит, пролетая сквозные амбразуры под ним. Алексей спиной и простёртыми руками прислоняется к стенам склепа и пытается почувствовать, как дом противостоит урагану. Подражает ему лицом. Таращится и выпячивает подбородок. За вентиляционным люком, на лестничной площадке слышен грохот противовесов лифта. Для Алексея всё снова приобретает унижительный налёт детской игры.

В августе мама вывозит Алексея на отдых. Они отправляются на две недели в Гагры. В пансионате в первый же день узнают, что началась война. По усыпанному эвкалиптовой корой проспекту ходят чёрные, крикливые люди. Владелец пансионата Анзор, суровый пожилой абхазец, выдаёт новости короткими эпохальными репликами.

– Захватили Сухуми. – Началась мобилизация. – В Гаграх грузинский десант.

Последняя утром следующего дня. Огромное сумеречное фойе во всю высоту здания. На уровне номеров второго, третьего этажей – балконы. На них отдыхающие:

– Это выстрелы? Вы слышите? Товарищ Анзор.

Под сводами пансионата мощный голос Анзора.

– Бэз паники! Эвакуация! Собираем вещи. Машина до Адлера. Бэз остановок.

В номере второго этажа мама суетится над чемоданом.

– Вот, Лешка, отдохнули. Ну где ты там?!!

Трёхэтажное здание, увешанное со всех сторон балконами, не вызывает в Алексее уважения. Приземистый куб на подставке из витражей и с декоративными щитами по периметру крыши походит на трёхслойный бутерброд в кокошнике. Поэтому Алексей с лоджии любит Колхидой, кипарисами в саду, полчищами крон горного леса и вершинами гор в серпанке облаков. Оттуда он слышит странные хлопки.

– Иду, ма. Это так выстрелы звучат, да?

В этот момент на противоположном крыле – взрыв. Здание вздрагивает так, что мама падает на чемодан, а Алексей теряет равновесие и хватается за перила. За дверью номера – крики людей. Движение бетонных плит мгновенно пробуждает в Алексее ужас шестилетней давности, и, обернувшись, он видит только фрагменты дома – пол, стены, углы, дверные проёмы. Как слепой, протягивает к ним руки. Едва замечает, как мама тащит его к выходу. Они открывают дверь и останавливаются на пороге. Фойе залито светом. Повсюду люди. Сплошной бешеный, галдящий людской поток на балконах. Напротив, чуть выше, на месте номеров третьего этажа, в клубах дыма и пыли – гигантская дыра.

Из-за спины мамы распахнутые глаза Алексея пялятся в зияющую рану здания. Дымящееся, густо-серое, в языках пламени и шипах арматуры, жерло и в нём голубыми каплями ширится небо. Приглядевшись, Алексей в самой ране замечает лоскуты одежды. На пруте из стены – что-то похожее на руку в рукаве. В обломках разрушенных номеров – то ли живот, то ли ягодицы в чёрных разводах. Как парик, брошенный в строительную крошку, – волосы. На бетонных глыбах – бордовые нити. Все эти машинально выхваченные ошмётки вызывают в Алексее невероятной силы недоумение. Почти открытие. В бреши здания он не видит в них ничего, кроме мусора. Так же он различает горящий абажур, и дверцу от тумбочки, и развороченный стенной шкаф, – и весь этот хлам ужасающим образом не отличается от человеческих останков. Только жерло пробоины! Только чудовищных размеров рана вызывает в нём трепет.

В подтверждение этого странного чувства Алексей слышит глухой скрежет деформирующейся панели. Всё горизонтальное перекрытие, частью образующее балкон, медленно наклоняется. Крики людей стоят звоном в ушах, но равномерный стон кренящейся плиты обволакивает всё. Рушатся перила, люди кружевными каплями срываются вниз.

Мама хватается Алексея за руку и тащит к балкону.

– Скорее, сынок, скорее! Прыгай! Не бойся!

– А я и не боюсь, – говорит Алексей и через секунду оказывается на газоне. Его высокая, пожилая мама тяжело плюхается рядом с ним. Они вливаются в толпу у ворот. В одну сторону – туристы с вещами, в другую – абхазы с оружием. Бойцы перелезают ограды, ныряют в сад под дымящимся пансионатом. Где-то рядом – автоматные очереди. Прежде, чем Алексея вталкивают в машину, он оборачивается.

Вчера ещё смешное, здание пансионата выглядит страшно. Из раны в виске – витой рог дыма. Слюной с опухших губ – полуголые люди. Оно сплёвывает их со всех сторон. Глохнет и переваривает. С гулким стоном. Словно опомнившись от боли, извергает из себя шлаки. Огромное, раненое тело, извалявшееся в людях.

Даже в машине, пока не остаются видны лишь кроны эвкалиптов и черные хлопья дыма, Алексей не сводит с пансионата глаз.

* * *

Через сутки на площадь Курского вокзала Алексей выходит преображённый.

В четырнадцатилетнем возрасте его нервные вопрошающие глаза психа становятся дерзкими и ледяными. По-свойски, с новым уважением, они скользят по сталинкам, окаймляющим площадь. Людей у подъездов, у магазинов, мельтешащих перед глазами, Алексей не видит.

– Ох, Алешка, мы с тобой как беженцы какие! – восклицает мама, вздыхая и осматриваясь. – Устала я! Вот здесь люди же живут! Смотри, – прямо в центре, метро рядом, а нам с тобой еще пилить и пилить.

– Никто там не живёт, ма, – Алексей насмешливо переводит взгляд на окна.

– Как это? Да нет, это же жилые дома. Живут, конечно же. Шумно, правда. Зато, знаешь, какие там потолки высокие!

– Ну-у-у. – сын морщится. – Живут вроде бы как. Но это случайность. На самом деле там никого нет.

Мама ставит на асфальт чемодан, смеётся и трепет Алексея по голове.

– А! В смысле там никого, никого, никого нет?

Алексей смотрит на крыши и мечтательно улыбается.

– Да. Там никого нет.

Житие отца Гермогена

Коротко расскажу об обстоятельствах моего появления в больнице. Был период, когда я впадал в долгие запои. Протекали они в скандальной атмосфере, с битьем посуды, выбрасыванием из окна бытовой техники, прочими безобразиями и заканчивались в разных уголках и частных клиниках, под неадекватно дорогими капельницами. Это до поры до времени. Однажды я допился до суицидальной попытки и очутился в совершенно обыкновенной больнице, в отделении психосоматики и мои женщины, мои неизменные няньки, мама и жена, ничего не предпринимали, чтобы меня оттуда достать. Со мной конечно, пробовали разговаривать, я имею ввиду врачей, приходил психиатр, надо было решать, что же со мной делать, но я не шёл на контакт. Все их прозрения на мой счёт я проигнорировал. Они отстали, перевели мою весьма разумную с виду персону в разряд заурядных психов и, подлечив мои раны, преспокойненько отправили в психушку, как это и принято делать в случае суицида. Таким образом, одним весенним утром я и проснулся в этой самой психиатрической больнице. Вернее, был разбужен церковными песнопениями, так как на соседней койке кто-то молился...

– От сна восстав благодарю ти, преславная вольнонравица, яко многия ради твоих вольностей и долготерпения не прогневалась на мя, лениваго, рыхлаго, ниже погубила мя с нищенством моим, но мужелюбствовала еси обычно и в нечаянии лежащего воздвигла мя утренивати и славословити вольницу твою....

Перевозили меня ближе к вечеру, на машине Скорой помощи. Я был расстроен, подавлен, а главное напичкан таким количеством успокаивающих, что так толком и не осмотревшись, провалился в глубокий наркотический сон. И вот вышло, что заснув накануне ещё до темна, я проспал до утренней литургии.

– Восставши от сна припадаю к беспрекладному благолепию твоему. Ум мой просвети, устне мои отверзи, уд мой въздыбь крепостию сугубой к лепоте твоей владычица...

Напротив меня сидел толстый дядька в безразмерной женской ночнушке в зелёный цветочек. На его гигантском брюхе лежала окладистая борода и из бороды исходила молитва. Дядька едва шевелил губами, однако вся наша палата, с ещё тремя пустующими кроватями, наполнялась вибрациями его поставленного баса.

Во-первых, конечно, язык. Церковный, со всеми этими старославянскими предложениями и окончаниями, из-за которых я почти всегда не понимал смысл происходящего в церкви. И во-вторых – картинная торжественность, чопорность его тучного образа. Всё это сразу позволило понять, что передо мной священник, несмотря на полное отсутствие какой бы то не было атрибутики. Что касается последней, то тут как раз, выражаясь на вольный одесский манер: даже и наоборот. На спинке кровати молящегося на проволочках и шнурочках и в окладе лоскутков и тряпочек висел плакат Моника Белуччи, а тумбочка вся была оклеена изображениями других, не менее прекрасных актрис и манекенщиц. К тому же спустя какое-то время, когда в моей голове молитвенные интонации перешли на второй план и я, продираясь сквозь непривычные обороты, стал различать слова, до меня дошёл и странный смысл этих молитв.

– Внезапно она придёт и коегождо хвори и доходы обнажатся, но со страхом зовём в полунощи: Лепота, Лепота, Лепота еси, владычица, человекородица помилуй нас.

Батюшка закончил молиться и бросил на меня угрюмый взгляд. Я по-соседски кивнул: – Здрасте.

Дядька ещё раз на меня зыркнул, теперь уже злобно и насторожено, затем встал с кровати, расправил бороду и важно заходил из угла в угол. Так и ходил, шлёпая босиком по деревянному полу и выпячивая пузо так, что ночнушка, над его ногами, образовывала абажур.

Вскоре пришла медсестра, и я стал свидетелем ещё одной замечательной сцены. Священник, подобрав полы ночнушки, сделал что-то вроде реверанса, то есть подобострастно присел и стал пятиться. Его маленькие глазки испугано и почтительно округлились, а пухлые ладошки простёрлись к белому халату и замерли над ним, как будто ощупывая ауру улыбающейся девушки. В такой позе батюшка басисто запричитал:

– Кто сия, во врата Сестринской толкущая, ея же ризы белы, лице же сияет паче солнца; откуда приходит и яковых требует; сия есть Алёна Благоутробная, страсти сосуд избранный, к нам яко странница пришельствовавшая. Со тщанием убо сей двери отверзите и сретайте ю с веселием...

Медсестра, миловидная девушка лет двадцати пяти, с интересом поглядывала на меня, и словно представляя своего питомца, обращалась к дядьке по имени: – Тише, тише, батюшка Гермоген. А вы новенький? – она протянула мне таблетку – Это наш батюшка, он нас очень любит, в смысле женщин. Да, отец святой? Любите нас? – Девушка, несмотря на то, что выглядела совсем юной, говорила с грубой снисходительностью. Она даже упёрлась одной рукой в бок и разве что не погладила по голове своего подопечного. В это же время отец Гермоген, преданно заглядывая в её накрашенное лицо, осмелился прикоснуться к халату.

– О мужелюбица, рамена кованы, длани яко пух лебязий, яви, снемь ризы белые, Душегубица, припадающи к наготе твоей рабам, жизнедарица...

– Так, Сидоров! – вдруг гаркнула Алёна. – Опять!? А ну, поп, давай задирай свою рясу! Снова будешь руки распускать, смотри, позову Виктора Николаича. – Алёна полезла в свою тележку, загремела лотками, набрала шприц и подступилась к батюшке. На бугристом лбу отца Гермогена вспучилась скорбная морщина, пунцовые мешки под глазами затряслись, и он испугано втянул голову в плечи.

– Не сердчай, многоблаготворная.

Задирая подол, неуклюже и трогательно, словно здоровенная бородатая баба, батюшка взгромоздился на кровать и встал на четвереньки.

– Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве тебе владычице. Ты нам помози, на тебя надеемся и тобою хвалимся. Твои бо есмы раби, да не постыдимся.

Алена, глядя на румяные ягодицы отца Гермогена и на его странную манеру подставляться под укол, насмешливо хмыкнула: – Не имамы, не имамы. Ох, горе с вами, Отец святой. Нашли бы себе попадьё какую, и имамы бы её на здоровье...

Я смотрел на всё это как замороженный. Когда Алёна закончила с процедурами, я догнал её в коридоре и, позабыв о своих вселенских обидах, попытался наладить общение, а заодно и расспросить о батюшке. Получилось не очень.

– Как я понимаю, вас Алёна зовут. Скажите, он что, настоящий священник? Такой удивительный! И молитвы его. Они какие-то странные. Это он кому поклоняется?

В коридоре пахли такие пациенты, что я сразу понял насколько наивен мой интерес к соседу. Алёна едва на меня взглянула. Выйдя за пределы палаты, она превратилась в маленького беспощадного охранника, ежесекундно вынужденного отражать безумные взгляды и выходки этого сброда. И я в её глазах был не исключение. – Настоящий, — отрезала она. Помолчала и ещё раз отчеканила уже с брезгливой суровостью:

– Женщин очень любит.

– А! А я подумал священник, ну знаете, в смысле Наполеон – пошутил я и был удостоен подозрительным взглядом. Взглядом, имеющим ввиду, что вопрос о моём бредовом отождествлении в голове этой девушки, остаётся открытым. – Нет, ну я, как бы... – я неловко рассмеялся, не оставляя надежд пробиться сквозь эту кучку напудренных доспехов. – Я не псих. Я тут по недоразумению. Я скорее алкоголик, – развел я руками и вновь не получил ответа. Медсестра задрала голову, и, бряцая лотками в тележке, ускорила шаг. Так, ни с чем, я вернулся в палату.

Вечером, когда во всём отделении погас свет, под потолком забрезжил ночник и из-за того, что в палате отсутствовала дверь, можно было любоваться отблесками лампы на сестринском посту, я лежал под одеялом и устало наблюдал, как отец Гермоген ложится спать. Целый день батюшка проводил в служении неизвестно чему. Я понял так, что тут дело обстояло в объективизации женщины, абстрактного её образа, собирательного, я не разобрался, но от целого дня молитвенных бормотаний и елейного вождения, совсем очумел.

Теперь он голый стоял на коленях перед Моникой Белуччи.

– И даждь нам владычица на сон грядущим всякаго ношнаго сладострастия. Распали стремление страстей и направь разжженные стрелы, яже на ны сладко движимыя...

Широко раскрыв глаза, я смотрел на сумеречный образ батюшки. Его приглушённый бас волшебным окутывал палату и иногда перемежался громким скрипом кровати, когда священник, отдавая поклоны, падал на четвереньки.

– Соблуди ношнаго плоти восстания. И даруй нам владычица, быстрый ум, пылкий помысел, сердце бражное, сон полон всякаго хотения и мечтания. Восстави же нас во время молитвы, утверждены в желаниях твоих и память перемен твоих в себе твердо имуща.

Испросив у Владычицы такой беспокойный сон, отец Гермоген долго смотрел на фотографию. Его бородатый профиль на вытянутой шее, замер перед Моникой, и весь батюшка стал похож на медведя, пытающегося просунуть свою морду в узкий просвет кормушки. Наконец он благоговейно потрогал изображение, укрылся с головой и, превратившись в волнующуюся матерчатую кучу, принялся кряхтеть и стонать.

Полночи длилось его утробное урчание.

Сон отца Гермогена был полон страстей и «всякаго ношнаго сладострастия».

Надо сказать, тогда я находился под странным впечатлением. Специфический бред священника, свихнувшегося на сексуальной почве, живая гипербола на известную тему и в образе пациента дурдома, (дома богатого на такие гиперболы) – эти рассудочные ипостаси соседствовали во мне с непосредственным восприятием человека. Тут конечно ещё и молитвы-перевёртыши, архаичные словеса, всё это на меня возымело должное действие, и я не только стал понимать смысл молитв, я постепенно начал понимать самого священника. Находил соответствие его тирадам и можно сказать сочувствовал ему.

Вот, например, на следующий день, заступила новая медсестра и, явившись к нам с лекарствами, поразила меня своей внешностью. Это была пышущая здоровьем красотка, на которой куций халатик тщетно пытался заглушить сигналы, идущие от её прелестей. От неё, как говорят, «пёрло сексом», и отец Гермоген не преминул найти надлежащую форму общему настроению:

– Хотяще творити, не содеваем, хотения ведущие небрежем, помози нам немощным, оборотись, окорми чада малые... – пропел батюшка вполголоса, напряжённо глядя, как девушка давала мне таблетку. Она повернулась к нему, и тогда он всплеснул руками и завыл: – Печали отлежше, восклонимся и воззрим, братие, и узрим в покровах светоносных Оксану, Круглобедрицу, хозяйку нашу Красно Лонышко. Уврачуи наши раны, домогательства наши дерзновенныя услыши, умири нашу плоть и на помощь нам поспешай, владычица сластолюбивая.

Оксана выглядела старше предыдущей Алёны, однако смутилась и неуверенным голосом заговорила: – Приготовьте пожалуйста ягодицу, я укол вам сделаю. – Батюшка с готовностью подставил свой зад и, искоса глядя на руки медсестры, и, как мне показалось, кокетливо ёрзая и переминаясь на коленях, выдал ещё одно воззвание:

– Алчем и жаждем и наготуем телом, пищу сладкую твою милость даждь убо нам Лилейная, прохлади чресла наша рососою ласк твоих ради нас убогих, яко отдалече тя, себя балуем.

Оксана зарделась, обиженно выпятила алые губки и испуганным движением накрыла место укола ваткой: – Подержите немного. – Пока священник оправлялся, она, не давая ему опомниться, собрала свою тележку и выбежала из палаты.

Мы жадными взглядами проводили амплитудно подпрыгивающую под халатом попку и я, на мгновение забывшись и перепутав скинию отца Гермогена с забегаловкой, развязно заметил: – Ничего себе дивчина! Это вы, верно, заметили, батюшка: и Лилейная и Красно Лонышко. – но дурашливость с меня тут же сошла. Священник не удостоил меня ответа и вновь окатил диким, настороженным взглядом.

К счастью ли, не знаю, но мне довелось недолго пребывать в его обществе. Дня через два мне уже было известно, что моя жена, пытаясь избавиться от неприятных последствий моего попадания в психушку, общается с главным врачом. Последний послушно принимает подношения, и готов меня выписать без всяких постановок на учёт, диспансеров и тому подобного. Я учинил отчаянную трагедию, она рассасывалась тривиальнейшим образом, и мне было стыдно.

Жена приходила под окна туалета, где мы, душевнобольные, курили. За окном солнышко, слякоть, ветер, голос жены едва долетает до нас, но она как антилопа втыкает в грязь каблук, трясёт рыжими волосами и кричит: – Сигааа-ееты-ееда-лааа —нааа слеее-дуу-юющей нееее-ле – выыы-пийи-шууут! – Её хрупкая фигурка забавно подпрыгивает на месте, и у меня на глаза наворачиваются слёзы. Я чувствую себя полным кретином, она кажется мне наивной дурочкой, а мы вдвоём парочкой, сбежавшей из сиротского приюта.

Это было на третий день. В сентиментальном порыве я театрально выкурил ещё одну сигарету и, вернувшись в палату, застал батюшку голым. Он сидел на кровати, двумя руками приподнимал себе живот, заглядывал в пах и читал туда молитву: – Поводырь, единоутробный каждому и вселенский учитель единовременно еси, яко всяк возраст и всяко звание от тебя поучается... Се бо отроком нетерпения образ явился еси...

К тому времени я вёл себя как сказочник в детских фильмах, который невидимо сопутствует своим персонажам и даёт пояснения зрителю. Я привык, что на меня не обращают внимания, не отвечают на мои реплики и поэтому бесцеремонно расположился напротив и в упор уставился на священника.

– ...юным дерзновения светило, мужем трудолюбия наставник, старым лукавия учитель, мудрости ищущим ума просветитель, витиям слова живаго источник неисчерпаемый...

К моему удивлению тот, кому был посвящён этот панегирик, откликнулся сонным подергиванием и стал медленно приподниматься. Это было похоже на трюк заклинателя змей. Отец Гермоген, закрепляя результат, победоносно повысил голос:

– Над всеми же сими стяжал еси уважение. Приими убо, ублажаемый угодниче владычев, и в час сей незанятости служению Белопупице, вдохни твоим многосилием велия в мя веру... – на этих словах батюшка грузно встал и с торжествующей эрекцией направился к выходу. Я, открыв рот, смотрел на пузатого волшебника. По-прежнему поддерживая живот и видимо, чтобы не потерять намоленные формы, двигаясь медленно и осторожно, он подошёл к дверному косяку и затаился.

– Аминь, – собираясь с духом, пробормотал батюшка и опасно выставил себя на полкорпуса в коридор.

Через мгновение из глубины отделения послышался крик санитаря Вити, которого медсёстры, почему то уважительно называли Виктором Николаевичем. – Э! Э! Сидоров! Как тебя? Гематоген. Чёрт бы тебя побрал! Опять за своё!? А ну сгинь. Живо одевайся, поп проклятый. Я тебя щас быстро привяжу, отродье пузатое.

Батюшка вздрогнул, сжался весь от испуга, и, с красным лицом, послушно побежал к кровати. Все его многочисленные складки мелко сотрясались, сиськи потешно подпрыгивали на брюхе, а «угодниче» упал как подкошенный и жалкой тряпочкой хлестал батюшку по ляшкам.

– Облачили в срачицу демоны, яко связеня окоянного, – плачущим голосом говорил священник, напяливая на себя ночнушку. – Несть окрест дщери яже пещися буде. Отриновен юрод.

Он забрался с головой под одеяло и ещё долго оттуда всхлипывал и стenal.

– Отриновен юрод! Доколи взывати ми, Владычица!? Али навькнуть на одре студнем... Несть окрест дщери... Обыдоша демоны...

Передо мной разворачивалась печальная картина жития отца Гермогена.

До вечерней молитвы перед образом Моники Белуччи, батюшка провалился под одеялом, прячась от санитаря Вити. При свете ночника любовался девушками с тумбочки, а затем особенно проникновенно лобызал глянцевою мордашку Моники. Ночь провёл в беспокойстве, а утром снова отличился.

Обход делала ещё одна медсестра: Ира. Эта была женщина уже в возрасте, с жёлтой шевелюрой, синюшными щиколотками, рябым декольте и огромной бородавкой, прыгающей по лицу в зависимости от ракурса. От Иры пахло геранью, веяло непобедимым самомнением, и в подобранных батюшкой эпитетах не было ничего удивительного. Однако, услышав его молитву, я испугался

– Предстательствуй за нас, Мымра Неискусобрачная, пред велелепием своим тайным, просяще нам прощение промедлений наших.

Отец Гермоген выглядел уставшим и лишь слегка привстал, обращаясь к медсестре. Ира, копясь в тележке, остановилась и её крупная, раскрашенная физиономия исказилась от злости. – Нехристь проклятый! Ты, Сидоров, совсем заигрался! Больного из себя корчишь? Извращенец. Ишь, он тут! Боров жирный! – Ира явно не находила слов выразить своё раздражение, а батюшка, с неизвестно откуда взявшейся дерзостью, поднял голову и продолжал прямо ей в лицо:

– Предстательствуй за нас пред красотой не явленной, просяще нам присноздравия мужеского во время Страшного Суда на ложе твоём...

Ира задохнулась от возмущения, оттолкнула тележку и выкрикивая угрозы, пошла прочь из палаты. – Сейчас. Тебе покажут... Скотина...

– И в час грозного посещения не устраши нас и яви лик благолепия твоего и державное вспоможение пред ложоснами твоими...

– Виктор Николаич! – послышалось в коридоре. – Ну что это такое!? Ну, сделайте с ним что-нибудь! Ну да, опять это Сидоров. Поп липовый. Все нервы мне истрепал. Эдуард Валентинович уже пришёл?

В палату вошли Ира и санитар Витя. Витя, маленький заскорузлый мужичек, с коричневым лицом и большими мозолистыми ладонями. Он стремительно подошёл к понуро сидящему отцу Гермогену и схватил его за бороду. – Ну ты что, тварь? Сколько тебе можно повторять? Ещё раз, что-нибудь вякнешь, я с тебя шкуру спущу. Понял? —голова батюшки висела на бороде, а тело, гигантской каплей в зелёный цветочек, медленно стекало с кровати. Священник молчал, веки его как-то сразу опухли и слёзы размыли глаза в бессмысленные лужицы. – Вы уже сделали укол? – спросил Витя медсестру, и, получив отрицательный ответ, дернул бороду в сторону койки. – Давай заголяйся. И смотри. Ещё слово...

Отец Гермоген покорно съёс небрежную инъекцию и полез под одеяло.

К обеду отца Гермогена извлекли из под одеяла и повели к нашему глав врачу Эдуарду Валентиновичу. Батюшка почти никогда не выходил из палаты, а тут прошёл под «конвоем» через всё отделение, босиком, с заплаканным лицом, и, с сановной важностью, держа руки на пузе. Я в это время пасся в коридоре с другими больными, и после того, как мученический образ священника повторил своё шествие в обратном направлении, меня неожиданно вызвали туда же, к Эдуарду Валентиновичу, который сообщил мне о завтрашней выписке. Незапланированный визит в дурдом был сокращён до минимума, экскурс, по скорбным местам носил туристический характер, а все безобразия и чудачества, мне, как знатному путешественнику сошли с рук. Исполненный стыдливой радости, я решил до вечера не заходить в палату.

В последний раз я видел священника за утренней молитвой. В этот день мы ожидали Оксану, ту самую красотку, «Красно Лонышко». А пришла снова Ира. И напуганный батюшка молча, стерпел грубые манипуляции Мымры Неискусобрачной. Когда Ира ушла, батюшка стал громко скучать по Оксане.

– Егда утрию процедуры твоя благолепно творящи, на простыни колена твоя преклоняла и бёдра твоя паче снега убеляшиися еси, лилейная: длани же от теплоты сердечные зад мой согревахо, немощь спящая бдением твоим спасашеся.

Он сидел, обхватив плечи руками, раскачивался и в соответствии молитве, всячески показывал как ему зябко и нехорошо.

– Ныне убо тебе от дел сих отошедшей, бедствую люте: утро несветла наста, огусте тьма, сон лености и нерадения зеницы смежи: потщися убо на процедуру и на помощь поспешай, спасительница дерзновением велия...

Меня уже несколько раз вызывали и я, окинув прощальным взглядом тучного мученика в зелёный цветочек и расчувствовавшись до драматического тремора в голосе, сказал:

– Прощайте отец Гермоген. Держитесь!

Вальс

«Здравствуй, Игорь Анатольевич.

Позабыл ты меня, дражайший друг мой. Третью декаду ни слова, ни полслова от тебя, ни весточки, ни посылки. А между тем изволновался я, скучаю и за неимением дел прочих места не нахожу без участия твоего. Вот и пеняю тебе, дражайший друг мой: – Ой нехорошо, душа моя Игорь Анатольевич. Ой нехорошо!»

Евгений воткнул перо в чернильницу, потянулся над письменным столом. Розовые оборки на рукавах ночной рубашки взлетели в воздух, засаленный подол на животе натянулся парусом. Босая нога потерлась о лодыжку другой.

– Сонечка! – закричал Евгений. – Сонечка!

В соседней комнате что-то загремело. Евгений завращал глазами и жалостливо заблеял:

– Выпью?

Не получив ответа, достал бутылку из верхнего ящика и, держа её перед собой, залепетал:

– Спасибо, ласточка моя, одна ты меня понимаешь.

Сделал два гигантских глотка и шумно выдохнул. Затем поморщился, поворошил рыжую бороду и снова взялся за перо.

«Вот что, милый мой дружок Игорь Анатольевич. Вот что осенило меня. Не гневайся, пожалуйста, но попрошу я тебя похлопотать перед Шашкиным за одно дельце. Я и не знаю, сможет ли он. Однако пришла мне в голову мысль о записи музыки. Есть пара мотивчиков, разных по духу и стилю, которые я смогу наиграть на пианино для дальнейшей работы маэстро. Он сможет взять мотив и далее лепить из него всё, что Бог на душу положит. По вкусу своему, по таланту.

Вот, например, вальсик есть. А как же. У всякого приличного писателя непременно должен быть свой вальсик. Записать бы его только со скрипочками да трубами, ещё с какой музыкальной прелестью. Смею предположить, друг мой, – приличный мотивчик. Достойный работы, внимания и девичьих вздохов, если, конечно, в таковых потребность не угасла ещё.

Засим прощаюсь с тобой, друг мой Игорь Анатольевич.

Не бросай ты меня горемычного. Не оставляй наедине с бесталанностью своей».

К завершению письма Евгения одолела отдышка. Он раскраснелся и, отдуваясь, запечатал конверт. Бросив его на ворох бумаг, он словно придавил его стекленеющим взглядом и замер.

– Соня!! Сонечка!

В соседней комнате что-то загремело. Евгений заблеял:

– Выпью? Ну немножко? Спасибо, душечка моя. Сердце мое!

Несмотря на утро, в просторной комнате стоял полумрак и только в канделябре над письменным столом горели свечи. Погруженные в тень, покоились книжные шкафы, под скомканным бельем прятался диван. Евгений, толстый бородатый мужчина, прохаживался по комнате в ночной рубашке.

– Тарам, тарам тарам...

Евгений, раздувая щеки, напевал вальс. Остановившись перед картиной Крамского «Неизвестная», висевшей над диваном, и подолгу смотрел в надменные глаза героини.

– Вот ведь дива какая! Еврейка небось. А хороша! Тарам, тарам тарам..

В очередной раз остановившись, подбоченился, сделал восторженное выражение и крикнул. – Выпью?

Загремело в соседней комнате. Евгений жадно приложился к бутылке и на этот раз без благодарных излияний бросился к столу.

«Здравствуй, пропащий мой друг Игорь Анатольевич.

Смирился я и второе письмо пишу, уповая лишь на неразбериху почтовую. На небрежность курьерскую. Да и вот ещё мысль неделикатная у виска бьется – на пьянство твое беспробудное. Но в этом не судья я тебе. И будь и справедливы догадки мои, корить мне тебя не пристало. Даже, более того, пристало утешиться. Ибо означает это, что живы в тебе благосклонность прежняя, чувства и уважение к преданному товарищу твоему. Токмо пьянство. Токмо пакость эта губительная мешает нам друг другу. Ну так это ерунда. Это переживем.

– Выпью?!

В соседней комнате загремело, Евгений выпил и продолжил.

«Что до дела нашего, к коему отношение имеет друг отрочества твоего Шашкин, то я не смею торопить тебя. Ты не беспокойся ни о чем. Прежде освежись свалывшейся душенькой, страхни зловония бражные и уж опосля вникни в просьбы мои. А я буду ждать смиренно.

Засим прощаюсь с тобой, любезный друг мой Игорь Анатольевич»

Бросив перо, Евгений принялся открывать в письменном столе ящик за ящиком. Зазвенели бутылки. Найдя целую, Евгений встал и, выбрасывая босые ноги, подошел к картине. Показал ей язык. Затем, шатаясь, прошлепал по комнате и резко распахнул двери на веранду. Солнечная пыль за клубилась вокруг тучной фигуры. Хлынул свежий воздух. Лицо Евгения на свету оказалось в красных пятнах и мокрым от слез. Расшвыривая по веранде плетеные кресла, Евгений подошел к перилам и закричал в сад: – Петя! Петя! Где ты, пьяница старый? Доставай дудку, вальс хочу!

Меж стволами яблонь виднелся сарайчик, у которого копошился мужичок. Маленький, коренастый, с лукавыми узкими глазками и по-детски розовыми щеками. Он обернулся, презрительно посмотрел на Евгения, вздохнул и достал из-за пояса дудку. Устало приосанился, выставил ногу вперед и заиграл. По саду потянулась тоненькая свирель вальса. Евгений облокотился на перила и застонал.

– Ууууу! Сволота! УУУУУ! Жизнь- то моя! Жизнь -то моя!!

Пухлой ладошкой Евгений стал мять себе грудь, словно ему не хватало воздуха. Воспаленные его глаза заблестели на солнце маленькими лужицами. Ещё пару раз приложившись к бутылке, Евгений невпопад выкрикнул: «Выпью?», затем прорычал: «Сонечка моя!», потом «Игорь Анатольевич, душа моя!» – и бросился назад в комнату. Мужичок с дудкой прекратил играть, зыркнул в спину хозяину и сплонул.

Тем временем Евгений, сдвинув прежнее, не запечатанное письмо в сторону, принялся за новое.

«Здравствуй, труженик мой Игорь Анатольевич.

Вижу тебя взором мысленным, и душа радуется трудам твоим, хлопотам. А сам вот, неверный, не пишу. Не пишу, думую тяжкою скован. Гуляньями, утехами, возлияниями да чревоугодием разбит, раздавлен слуга твой покорный. Ни до кого ему дела нет. И лишь мысли тяжелые, неумные. Коими, друг мой, поделиться с тобой хочу...

Суть идей моих новых – в отчаянии. Пользу в котором ищу подобно философу датскому Кьеркегору. Обновления жажду, линьки или рогов внешнего отторжения, это уж как тебе угодно, душа моя. И уповаю, укору сношу, чудачу. За ради да вопреки. В целом, дражайший мой Игорь Анатольевич, для подвижности умственной и устойчивости моральной. Словно фибрами-мехами воздух гоняю. Словно в клапаны сердечные кофе лью».

Евгений громко зарыдал.
Отхлебнул из бутылки.

«Ох, не серчай, свет мой Игорь Анатольевич. Сложно я изъясняюсь. Путано и туманно. Ты уж, светоч мой далекий, прости меня горемычного. Однако остов из чувств упомянутых брезжит теперь пред тобой в свете ума моего слабого. А теперь я и уста разверзну, слова скажу – Говно эта литература наша. Музыка токмо душу и отображает. Вот надясь какой глубиной мысли поражен я. Вот чем срублен под корень. И слова ныне эти подобны белене вокруг пня трухлявого. Уж не душат, не тешат, а надгробием живым колышутся.

Ты ещё раз прости меня великодушно, друг мой Игорь Анатольевич.
Засим не прощаюсь я. До свидания говорю и немедленно сажусь за следующее письмо».

Евгений достал чистый лист и написал:

«Милостивый государь!»

Дьявольски расхохотался и ударил по столу кулаком.

«За вероломство Ваше я намереваюсь застрелить Вас из мушкета.

Паче того, может быть, и из лука. Я на Вас в обиде такой, что и камнем не побрезгую. Подскажите мне, сударь, подревнее оружие, чтобы для убиения Вашего под стать было. Такого варварского пренебрежения, грубости и неотесанности свет нынешний не видывал. Как Вы посмели!!! Я же к Вам всей распростертостью, всей мякотью сердечной оборотился. А Вы колоть туда соизволили!».

– Соня!! – заорал Евгений – Я ему сейчас, графоману!

«Иронизируете?»

(Далее всё, что писал Евгений, он раздраженно произносил вслух.)

«Похабства площадные пользуете?»

«Сарказмом увлекаетесь?»

«Будьте покойны. Не сойдет Вам с рук сия забава. Приеду к Вам в поместье, да на скотном дворе, на глазах у всей челяди к ответу призову. Опозорю на всю губернию.

За сим позвольте откланяться, Игорь Анатольевич.

До поры до времени».

Евгений подскочил. Пнул стул, сорвал белье с дивана, плюнул в лицо Неизвестной. Рухнув на колени перед письменным столом, выдернул все ящики. По полу покатались бутылки. Евгений, то и дело падая набок, прикладывался к каждой из них, допивая остатки. Затем долго валялся без движения. Что-то про себя бурча, поднялся, свалился на стул и на первой попавшейся бумаге написал:

«За прощением пришел я, Игорь свет мой Анатольевич.

Прости ради Христа. Вспылил. Склоняю чело своё, жаром охваченное, да молю о великодушии.

Не слышал ли ты, как у Козловых вальс мой играли? Ну, так вот, коль не слышал, скажу: – Играли-с. Но играли из ряда вон плохо. В нашей округе ведь музыкантов приличных не сыщешь. Один Петя мой. А вальс, смею сказать, не из худших. Может, и несовершенен он, но, по моему разумению, достойный занять место в чередке прочих. Даром что «несовершенных», зато любимых. Да-с.

Прощай, друг мой Игорь Анатольевич.

Надеждою полон я о примирении нашем.

Поклон мой господину Шашкину».

Последние слова Евгений писал с нажимом, едва не прорывая насквозь бумагу. Дописав, он бессмысленно уставился на бумажный беспорядок у себя на столе и наконец упал. Сначала на столешницу, а потом и на пол. Немедленно за стеной что-то загремело и в комнату вошла женщина. Высокая, с большим правильным лицом, одетая в скромное платье. Она заботливо и привычно подложила под голову Евгению подушку и накрыла его одеялом.

– Сонечка! Прости ты меня, маленький – промямлил Евгений. – Тарам, парам парам..

Собака Солнца

Белый город. Словно колючий кристалл, брошенный в тигровые шкуры гор. Такой вид с верхней площадки фуникулёра. Гигантское зеркало акватории вспарывает горизонт. Над ним облака, как ватная набивка. Свистит ветер. На верхней площадке фуникулёра есть туалет – Будете присаживаться? – спрашивает старушка туристов. Она похожа на старую еврейку, Хотя, скорее всего это просто оттого, что она смуглая, носатая, невероятно морщинистая и весёлая. – Теперь вы свободны, как птички! Обыкновенно, туристы смущённо и благодарно улыбаются.

* * *

Миранда, никогда не бывала на местном фуникулёре. Равно как и на прочих туристических мекках. Пятнадцатилетняя девчонка с презрением смотрела на толпы туристов, редко появлялась на шумной набережной, почти не купалась на городских пляжах. У неё свои траектории. Пагоды рыбацкой окраины. Узкие улочки. Длинные каменные лестницы между домами. Миранда вечерами подолгу сидит на ступеньках. Над близко стоящими домами – полоска ночного неба. Впереди над крышами – полоска ночного моря. Миранда из каменного рва блестит чёрными глазами.

Миранда Лария странный, наполовину грузинский, без сомнения, ещё ребенок. Мы имеем ввиду эпический настрой её юного характера – романтическую жестокость, тёмную эксцентричность, опасную наивность внешне уже вполне сложившейся девушки.

– Безпоощадность, – невпопад поправила бы нас Миранда, решившись однажды хоть с кем-нибудь об этом поговорить.

Она носила фамилию матери. Отец – русский, и в своё время молодая чета постановила: если родится девочка, то и по метрике она будет грузинкой. Миранда развилась в смуглую, чёрноглазую и черноволосую дочь своей матери.

За восточным «кльком» бухты – дикий пляж. Короткий отрезок берега под крупной галькой. Помимо машин любителей пикников здесь много байкеров, и хромированный металл брызжет солнцем над рябыми тушами. Из-за каре мотоциклов появляется девушка на чёрном коне. Вороной скакун флегматично хрустит галькой. На нём наша грузинка в одной накидке. Она спрыгивает, вбивает в берег ржавую кочергу, словно это пляжный зонтик, и привязывает к ней коня. Купается нагишом. Конь лоснится на солнце. На его крупе брошенная накидка, из-под хвоста падает на гальку горячая лепёшка.

Миранда – дочь владельца гостиниц. Ещё и ресторанов, и аттракционов, в общем – одного из нескольких воротил, поделивших местное побережье. Весной она приезжает сюда из Москвы с отцом и шокирует отдыхающих до осени. Все её знают. Все за ней приглядывают. Если татары ещё могли дать ей напрокат спокойную лошадь, то вот уже водные мотоциклы, скутеры или мопеды ни один парень, работающий на берегу, – никогда. Однажды Миранда зафрахтовала яхту и в открытом море целый день провалялась на палубе. Яхтсмен, всё это время просидевший у штурвала и предусмотрительно отводящий глаза от загорающей девочки, возвращался к причалу раздавленный свалившейся на него ответственностью. Во второй раз он бы ни за что не согласился.

Ещё одно место, куда иногда заходила Миранда – Камышовый рай. Недалеко от её дома, на западной окраине города песочный пляж, оборудованный барной стойкой и грибочками из сухого камыша. Ди-джей Алекс, бывший борец, крупный мясистый весельчак, держа за спиной команду ребят с водными мотоциклами, собирает своими конкурсами множество разбитного люда. По бокам Алекса стоят огромные колонки, и, когда в них смолкает очередная композиция, начинается «порнографическая» потеха.

– Вот этот вот кусочек фигового листа, – кричит Алекс, разрывая бумагу, – я положу одному добровольцу туда, куда захочу... Не, ну несколькими, конечно. А вот вторая группа добровольцев должна будет измять этот листок всем-всем, короче, всем, всем, всем, чем хотите, кроме рук. Ну, под музон, так зажигательно. Поняли? Желающие в центр. А пары им я подберу сам. Пара-победитель – самая сексуальная – круг на банане без-воз-мез-дно! Понеслась...

Начинает темнеть. На набережной застыли в улыбках пальмы. Алой полыньёй заката зевает море. На маленьком пляже стоит гул, смех, из толпы продрогших отдыхающих выходят нескладные юноши, сумасшедшие старики, темпераментные толстухи. Алекс видит Миранду в сторонке.

– Здорово, красавица, – он выходит из-за пульта, расплывается в сальной улыбочке.
– Привет, красавец, – она кокетливо приглашает пальчиком и говорит ему на ухо.
– Крошка сын, кусая палец, спрашивает скромно: Может, в прятки, дядя Алекс? Надоело порно.

Алекс громко хохочет.

– Аааа, Миранда, молодец! Будешь танцевать?

Миранда томно кивает и остаётся ожидать позади толпы.

После того, как страждущие всласть потёрлись друг об друга, и случайная парочка победителей укатила на банане, народ дружно скандирует. – Ми-ра-нда!

– Опять Миранада? – с шуточным негодованием восклицает Алекс. – Ну, встречайте! Восточная красавица, жгучая, страстная, неповторимая Мииии-рааа-ндааа! – вопит он, как боксёрский рефери и за тем застенчиво бубнит в микрофон, – ну и Панджаби МС, как всегда.

Миранда сбрасывает вьетнамки, повязывает на бёдра порео и выходит в круг. Звучит ситар. Пальцы делают подобие мудр, длинные руки зигзагами взлетают над головой. Босые ноги начинают взбивать песок, бёдра – остывающий воздух. Алекс кивает в такт. Лицо его становится задумчивым. Взгляд застывает на смуглых ногах.

Сложена наша грузинка не идеально. Относительно тела у неё короткие ноги, полноватая попка. Однако мощный низ – противоположность всему остальному. Высокая талия, маленькие груди, озорные плечи и длинная шея. Во всём контрастном облике архаичные росчерки. Руки первобытно цепкие, угловатые, бесконечные. Глаза – нефть. Взмах ресниц, и оттуда, словно ушат блестящей мглы. На резных губах – коварство.

«Common!» – в восьмой раз раздаётся реперский крик из колонок.

Миранда, сочетая хип-хоповские примочки с индийским танцем, делает фляк и в темп выпрыгивает высоко вверх. Приземлившись, она застывает под последние аккорды ситара. Народ ликует. Алекс выходит из задумчивости. Миранда вдруг обнаруживает улыбку страшно довольного собой ребенка.

* * *

Утро.

– Теперь я свободна, как птичка! – весело выкрикивает Света, выбегая на террасу. Перед нами дворец. Балкончики на фасаде, готические шпили, просторная площадка-терраса с стриженными кустарниками и мраморными львами. С площадки вид на акваторию города – утром акварельно смазливое море. Это дом Миранды. А Света, пожалуй, единственная её близкая подруга из местных. Пухлая белёсая девчонка с маленькими серыми глазками и косоплыми ножками. Она забежала в туалет и вернулась к Миранде на террасу.

– Так говорит баба Флора с фуникулёра. Ты её знаешь? У неё сын погиб. Разбился с «высокого берега». Она раньше была учительницей, а теперь вот... А ещё говорят, она своего мужа от рака вылечила. Там чё-то – водка с махоркой что ли, не помню. Ежедневно. Теперь он пьёт.

Света звонко смеётся и подсаживается к Миранде на лавочку. Подле них – стол с чаем. Над ними – спящий лев. Они как две футуристические княжны – Миранда в чёрном купальнике, Света в лёгком полынном платье – чинно пьют чай. Повсюду треск цикад накаляющегося дня.

В этот день отец Миранды улетел в Москву, и она решила покататься на его катамаране. Катамаран моторный, с отцом они не раз кружили на нём по бухте, и Миранда была уверена, что управлять им такие пустяки. Но, как только джип отца выполз из гаража под террасой, и Миранда осталась одна в доме, она испугалась задуманного. Вспомнила тяжелый двукорпусный катер с мощным мотором и почувствовала себя ребёнком. Для храбрости она вызвонила Свету. Тут же поняла, что это уже не то. Подругу встретила в раздражённом от своей трусости, настроении.

Теперь она задумчиво смотрит на море. В длинных пальцах ключи от эллинга. Ожидает, когда Света закончит свой церемониал утренних посиделок. На вопрос о том, умеет ли она управлять катамараном, злобно отвечает: – Слушай, ну хватит ерунду молоть, Светка! Чего там управлять? Пойдём уже...

В беспорядке, чайный сервиз остаётся на столике.

Утреннее море напоминает больничный покой. Запах йода, расплзающиеся в воде бинты. Пена пузырится на гальке, как таблетка аспирина. Настежь открытые окна. – Ух, хорошо! – грубо восклицает Миранда. – Пробороздим, Светка!? Гладь?! Они спускаются к эллингам. – Мирандочка, а я, кстати, плавать не умею, – притворно куксится ей в спину Светка. – И не понадобится!

Вдоль берега, у самой воды расположен ряд одноэтажных зданий, увешанных кондиционерами и спутниковыми антеннами, – беззаконные кубики на ржавых сваях. В один из них входят девчонки. Пройдя сквозь гостиничного вида комнату, и захватив с полочки ключи от катера, они выходят к чавкающему причалу. Возле него огромный белоснежный катамаран. Миранда забывает про свою спутницу, распускает волосы, бежит по причалу, ловко присаживается и открывает замки на цепях. – Вон ту верёвку отмотай! – кричит она Свете. – Прыгай! Громкие шаги по металлической обшивке, катамаран медленно дрейфует в сторону. Миранда становится к штурвалу и запускает мотор.

Западный мыс бухты – мимо – бурой стеной. Вдали, как бильярдные шары, на узком берегу чайки. Валуны в море словно сорвались с острия мыса и замерли в пенных брызгах. Девчонки сначала медленно ползли вдоль побережья. Света, втянув голову, сидела на корме и прислушивалась к мощному урчанию под собой. Но затем Миранда освоилась, повернула в море и стала набирать скорость. Сейчас она вытянулась во весь рост, разбросала по ветру волосы, с задорной улыбкой сносит бьющую ей в лицо морскую пыль и обгоняет мыс.

– Мы это куда?! – кричит Света. Она крепко держится за борта осевшего на корму катамарана. Ветер срывает крик с её губ и отбрасывает назад. – Миии – раааа – ндаааа! Кууу-да мыыыы?

Миранда не отвечает. Быстро оглядывается: за спиной город – причалы, крыши и фонтаны кипарисов. По сторонам, всё морское побережье.

– В открытое море! – кричит Миранда и всматривается вдаль словно это «открытое море» стена, в которую она хочет врезаться. – В открытое мооооо-реее!

Света тоже озирается. Берег окончательно теряет очертания.

– Да уже вроде бы приехали, Мирандочка, уже открытое вполне, куда уже? Если мы совсем в открытое попадём, как мы назад дорогу найдём?

– А вот так! – смеётся Миранда и поворачивает штурвал. – Мы закружимся, закружимся и забудем, где берег!

Катамаран врезается в воду так, что борт накрывает волной. Света визжит. Миранда продолжает закладывать катер, уже более плавно, но, по-прежнему не сбрасывая скорость. Продолав вираж, они натываются на собственную волну, катамаран встает свечкой и несколько секунд движется почти вертикально. Рифленое днище вспыхивает на солнце. Миранда от испуга тянет ручку на себя, и катер отрывается от поверхности. Они летят.

Собственно, летят они, как открытый чемодан с вещами. Катамаран, переворачиваясь и разбрасывая снасти, Миранда черной кошкой, в раскоряку, Света комочком назад, мелькнув напоследок белыми трусиками. Девчонки попали в воду раньше того, как упал катамаран. Он пролетел ещё немного и плюхнулся кверху днищем в нескольких метрах от них. Моторы заглохли.

Истошный крик Светы: – Тону! Помогите!

– Держись за меня! Греби, греби! Дыши, дыши!

Добравшись до перевернутого катера, они вылезают на днище со стороны раздвоенного носа. Металлический остров покачивается, как ни в чем не бывало. Море до неба искрится и щурится. У борта томная синь толщи.

– Ччччто ммммы бббудем ддделать?

Света сидит на корточках и дрожит.

– Чего ты дрожишь-то?

– Я чччуть ннне ууууутонала...

– Ну и что!?

Миранда встает в полный рост. На её длинном остром лице свирепое выражение. Голову обтекает смола волос. Глаза бьют, как гиперолоид, невидимым лучом по едва различимому берегу.

* * *

За час на плавучем острове девчонки успели поругаться и снова помириться. Заодно они пришли к выводу, что катамаран не должен потонуть, так как глухой звук при постукивании – признак того, что два его корпуса наполнены воздухом. На том успокоились.

Миранда от скуки уже в который раз купается. Прыгает высоко вверх, сжимается лягушонком, вытягивается стрелой, входя в воду. Выныривает, прогнувшись. Облизанной головой. Как выдра. Света гремит по обшивке, переходя из конца в конец, и всматривается в берег.

– Помахать, что ли. Увидишь разве. А если какой пароход пойдёт. Ой, Мирандочка, смотри, там рыба, что ли какая? Дельфин, наверное.

Миранда, фыркающая и разбрасывая вокруг себя брызги, залезает на борт и замирает в позе сморкающейся купальщицы

– Ух ты, да это плывёт кто-то. Ни фига себе!

На Западе, в металлических перьях солнечного моря, тёмная точка. Брезжит, тает, исчезает в лучах, словно мошка в мириадах свеч. Периодичность нырков и мимолетные взмахи делают её более-менее заметной, и девчонки минут двадцать пристально следят за ней.

– Точно человек

– Ни фига себе! – повторяет Миранда.

Пловец двигается с юго-запада по широкой дуге к берегу. Светка начинает орать:

– Мы здесь, мы здесь! Сюда! Мы тут тонем! – кричит она почти весело.

Миранда смотрит задумчиво: – Чего ты вопишь!? Ну и чего он сделает?

Света не обращает на неё внимания: – Мы потерпели кораблекрушениееениеииииии!

Мерные взмахи рук прекращаются. Пловец останавливается. Поворачивает. Снова размашисто и неторопливо плывёт. Через какое-то время его выгоревшая на солнце голова покачивается возле катера. Воспалённые от моря глаза, плоские, слезящиеся, в красных прожилках лопнувших капилляров бляшки, скользят по Свете и задумчиво останавливаются на Миранде.

Пловец делает два гребка, хватается за винт. Миранда мрачнеет и даже немного сутулится, словно готовясь к схватке. Света, ничего не замечая, тархтит как заведённая.

– Здрате. Мы тут вот. Перевернулись. Уже давно. Вы не могли бы сплавать на берег и позвать, кого-нибудь.

– А где берег-то? – говорит незнакомец и переводит свои рыбьи глаза на Свету. Та теряется. – Вон там. Ещё видать немножко.

Света показывает рукой, и её румяное лицо искажается от страха. Человек хрипло смеётся

– Можно я...

Не дожидаясь ответа, он подтягивается, выпрыгивает на борт и договаривает.

– ...отдохну чуток с вашего позволения. Значит, говоришь, плохо видно берег-то?

Загар у пловца красный. Кожа как у индейца. Сухой мускулистый мужчина, он и походил бы, на какого ни будь, апачи или гурона, если бы не выбеленные солнцем волосы. Сидя на краю, он щурится в сторону побережья, затем, о чем-то задумавшись, смотрит на свои руки. Пальцы и ладони изъедены соленой водой. Незнакомец переводит взгляд под ноги, на зелёные волны.

– А вы что, плавать не умеете?

Миранда молчит. Она притаилась сзади и сосредоточенно смотрит ему в спину. Света серьезно отвечает: – Я не умею. А она умеет. А вы откуда плывёте?

Мужчина поднимает голову. Как перед гимнастическим упражнением делает короткую паузу: – Издалека, – говорит он. Резко две его руки вылетают в стороны. Одна хватается Миранду за лодыжку, другая – Свету за ворот платья. Света вскрикивает, а Миранда, как будто ожидая этого, спокойно смотрит себе на ногу.

– Что, что? Отпусти! – пищит Света

Следующим движением незнакомец бросает её в воду. С другой стороны, тут же получает удар коленом в лицо. Смуглое крупное колено. Голова запрокидывается, но рука не отпускает лодыжку, а наоборот, тянет на себя. Миранда с грохотом падает на спину. Пловец прыгает и прижимает её к обшивке.

За бортом крик, хрипение, плеск воды.

Миранда в упор смотрит на чужака и с прежним спокойствием говорит. – Она утонет.

Незнакомец вытирает о своё плечо окровавленный рот, оглядывается, лицо его не меняет выражения. Он не отвечает, а медленно ведёт кисти Миранды к её макушке, и сжимает её запястья одной рукой. По мокрым телам волнами ходят напрягающиеся мышцы. Её, тщетно преодолеваящие нападение. Его – создавая оковы. Глаза Миранды ресницами касаются красного лица. Со спокойным упрямством поедают его морщины, разбитые губы, выгоревшие брови и волосы. Мужчина свободной рукой срывает с Миранды купальник.

А в это время Света вопит, и совершает отчаянные рывки. Она чуть ли не по пояс выскакивает из моря. После нескольких взмахов её руки бьются о металл, и она мёртвой хваткой цепляется за винт. Поначалу сопливится, задыхается, кашляет. Затем поднимает глаза и, увидев, что происходит на катере, кричит. – Помогите! Помогите! Не трогай её, скотина! Мамочка! Голос её срывается, и она трясёт катамаран. Выбивается из сил. Уткнувшись себе в руки, плачет. Затихает. Опять смотрит. Лицо её из брезгливой гримасы переходит в выражение новой решимости. – Помогите! Помогите! Что ты делаешь ублюдок! Она придумывает бить по днищу. Громкие удары она перемежает дикими воплями. На опухшем лице яростно трясутся щёки, глаза плятятся с остервенением. Когда она больно отбивает ладошку и снова срывает голос, она пробует залезть. Кряхтит, тужится, соскальзывает, обдирает себе живот и опять плачет в руки. Наконец успокаивается. Слышит стоны Миранды. Где-то высоко – ржавые качели чаек.

В очередной раз Света поднимает голову. Долго опустошённо смотрит и бесшумно плачет. Иногда она отвлекается, чтобы изучить царапину у себя на животе.

* * *

Дальнейшие события объясняются тем, что девочкам так и не удалось выйти незамеченными из бухты. Утром, с Камышового рая видели пролетающий вдоль мыса катамаран, а чуть раньше, в городе – отъезжающий джип отца Миранды. Два наблюдения вызывают любопытство у Алекса, и наш рассказ снова набирает обороты, ровно с того момента, как в руках весёлого ди-джея появляется бинокль.

Солнце в зените. Море невозмутимым щитом накрывает свои тайны. В палящих лучах, на исторгнутом на поверхность острове, клубок загорелых тел. Из моря, у высохших винтов, торчит голова. Словно облокотившись на авансцену, заснул измождённый зритель.

Эту картину нарушает тонкое жужжание мотора.

Света оборачивается, видит быстро приближающийся, водный мотоцикл. Начинает крутить головой и кричать:

– Помогите! Помогите!

Человек с красным загаром вскакивает и стоит над Мирандой. Он всматривается в прыгающий по волнам снаряд. На нём как в стременах стоит широкое мясистое тело.

Пловец делает два громких шага по обшивке и прыгает. Почти бесшумно, красной змеёй проникает в воду. Появляется, метрах в десяти, снова исчезает.

Мотоцикл, в белом воротнике пены, на полном ходу летит мимо катамарана. Алекс, смотрит на девочку, не останавливая машину. Мимо него проносится плаксивая гримаса Светы и металлическая плаха с Мирандой. Юная грузинка лишь вяло приподнимается на локте и сквозь растрепанные волосы смотрит на свои ноги. Она их не собирает. Оставляя раскинутыми, медленно касается пальцем кровавых разводов на бедрах.

Алекс багровеет и поддаёт газу.

Погоня.

С катамарана не видно цели. По тому, как Алекс налёг всем телом на руки и тут же сделал крутой вираж, стало понятно, куда он метил. Промахнулся. Зарылся в воду по самое седло, выскочил как пробка и отъехал для разгона. Второй раз. Снова водоворот. Ещё вираж и широкой простынею вода падает на поверхность. Мотоцикл кружит на месте, создавая подвижную воронку в море.

Вдруг из воды показывается рука и хватается за подножку. Другая, и мотоцикл вырывает из моря красное тело. По пояс над водой. Оно карабкается вверх, судорожно цепляется за всё подряд. Алекс отбрыкивается ногой, трясёт плечами. Мотоцикл подпрыгивает на волне, ускоряется. Пловец падает.

Алекс делает большой круг и разгоняется.

Незнакомец два высоких гребка и ныряет.

Ди-джей несётся на место схватки, вытянув шею и высматривая под водой жертву. На этот раз он угадывает и ему не приходится терять скорость. Он лишь слегка правит курс,

в сторону появившейся головы. Она тут же исчезает, но удар всё равно происходит. Мотоцикл едва не переворачивается. Алекс крутится на корме, кроша воду в белые хлопья. Вскоре взбитая под ним пена становится красной. Мотор захлёбывается и глохнет.

Несколько секунд Алекс покачивается на мотоцикле. Вглядывается в расходящиеся волны. Запускает двигатель и, отворачивая толщи воды, медленно подплывает к катамарану. Никто ни на кого не смотрит. Света пустыми глазами таращится на мотоцикл. Миранда уже в купальнике сидит по-турецки, и её чёрные глаза застыли на кровавой полынье.

Море бинтами обкладывает свои раны и вот уже снова невозмутимо искрится на солнце.

* * *

Наши герои даже не пытались обсудить между собой эту странную историю. Для всех было совершенно очевидно, что событие не подлежит огласке, и три человека, в молчаливом согласии, предали его забвению. Ну, разве что Света. Но с ней, как раз, представился случай поговорить. Миранда осталась на катамаране до прибытия подмоги, и Алекс увёз заплаканную подружку в первую очередь. Нам кажется, что именно этой трехминутной прогулке до берега, весь городок, а главное, отец Миранды, обязаны своим неведением.

Катамаран буксировали осторожно, чтобы не привлекать внимания. После того, как Алекс увёз Свету, примчались несколько пацанов на водных мотоциклах, подцепили катер и тащили его вдоль западного мыса, подальше от глаз городских пляжей. Эта кавалькада имела забавный вид. Как чёрный Будда, в ореоле вороной гривы, на белом плоту сидела Миранда. Впереди, тяжело рассекала воду запряжённая квадрига пажей на плавучих жуках. Процессия медленно двигалась вдоль дикого берега, под вековой стеной мыса. Пацаны ничего не знали о случившемся, и поэтому шутивому поклонению не было предела. Миранда с величественным ехидством улыбалась.

К вечеру она приходит на Камышовый рай Сегодня у Алекса спортивный конкурс. – Добровольцы! Будем кружиться вокруг своей оси. Ну, вот так, волчком. Инвалидов прошу воздержаться. Мы все считаем сколько раз. Кто больше – натурально космонавт и наши пилоты будут сбрасывать его с банана бесплатно. Поехали. По очереди. Вот и первый претендент...

В круге появляется казах. Зажмурившись, начинает медленно кружиться. Алекс выходит из-за пульта и помогает ему: – Э, так не пойдёт, вот так, быстрее, быстрее. Он прокручивает кочевника своими огромными руками. Толпа считает: – Девять, десять... Казах вихляется, путается в ногах, шатается как больное животное. Вскоре он падает и потешно крутит головой. Публика хохочет.

– Нифига не космонавт. Следующий!

Алекс возвращается за пульт, замечает Миранду и лицо его тщетно пытается выдавить улыбку. Он не подходит, а вопросительным жестом показывает ей на импровизированный манеж. Миранда кивает.

Прохладный ветерок раздувает фонари на набережной. Море тихо подползает посмотреть на людей. В сгущающихся сумерках Алекс традиционно завершает работу.

– Жгучая, страстная, прекрасная, ну вы в курсе. Миии – раа-ндааа! Ну и Панджаб МС, как всегда.

Когда Прасковья умерла

Когда Прасковья умерла, Василий Фомич был уверен, что и недели не протянет. Семьдесят лет вместе, шутка ли. В деревне не осталось уж никого, кто бы помнил их молодыми. Сам Василий Фомич таких случаев не знал, а если и слышал нечто подобное, то известно было – следом уходили люди, друг за другом, муж за женою, жена за мужем. От того похоронив Прасковью, стал Василий Фомич спокойно ожидать смерти.

Но дни тянулись, шли месяцы, минул год. Не идёт смерть. Василий Фомич по избе, как привидение ходит, и тоска его берёт. Целый год думал, что недолго ему без Прасковьи маяться. Ан нет. Что-то неправильное происходит.

И ведь всё как по писаному – детей правда не нажили, но в основном счастливо, в любви, в согласии до старости глубокой дожили, до какой мало кто доживает. А как умерла Прасковья, стала мужа с собой звать. Каждый день снится в одной рубашке, босая, растрепанная, плачет и говорит, что плохо ей, что скучает она без него.

Умерла Прасковья, год прошёл, сны горькие еженощно. Василий Фомич убивается, как и на похоронах не убивался. И вот однажды, поутру, солнце по опустевшей избе играет, а Василий Фомич смотрит в пол и бормочет – Всё, Прасковьюшка, иду я. Как сумею рядом с тобой буду. Ухаживать буду. В тот же день поковылял к председателю. В ватнике, в валенках через всю деревню шёл с мыслию одной: уйти от всех к старухе своей, потому как нет другого исхода, а и был бы, сил на него не осталось. Так и сказал председателю. А затем добавил – Там, на кладбище, Тимофеич, нет у нас сторожа. Так что меня теперь запиши.

Сказал и обратно побрёл. В последний раз как в тумане деревню пересёк, и избу до глубокой ночи заколачивал. Крест-накрест, окна и двери. С каменным лицом молотком стучал и бормотал слова – Иду Прасковьюшка. Иду.

Так стал Василий Фомич сторожем на кладбище.

Стал Василий Фомич сторожем на кладбище, чтобы ближе быть к Прасковье своей. Иначе ничего придумать не смог. Сторожка там у него была – у леса самого, с краешку, не ахти сруб какой, но жить можно – топчан ветошью стелянный, да стол с лучиной у окошка. Пенсию велено было почтальону прямо туда носить. А оттуда и сельпо с продуктами не далеко – на окраине деревни.

Зажил Василий Фомич новой жизнью. Потекла она среди могил знакомых и незнакомых. Важно – то ему было, что Прасковьи могила рядышком и как бы снова вмести они. Ведь за тем Василий Фомич на кладбище и пришёл

Но вышло так, что с самого начала понял Василий Фомич, что большего достиг.

И ведь как вышло-то. Новая жизнь старой оказалась. Как только Василий Фомич пришёл на кладбище, с самой той поры, стала ему Прасковья каждую ночь сниться, да только не как мёртвая, а как живая. Будто они во сне молодые и, как встарь, обыкновенной жизнью живут – работой, хозяйством, да любовью друг к другу. Засыпает Василий Фомич во мраке сторожки своей, глаза только смежит и раз – Прасковья, как и пятьдесят лет назад дородная, круглолицая,

щи ему после работы наливает, а он – жилистый мужичёк – весело ей подмигивает – Эх, кулёма, ети твою! Куда ж до краёв-то! И такой порой явственный сон, что Василий Фомич просыпается уставший и сытый, словно не во сне, а наяву работал, а затем щами наедался.

Вот такая жизнь пошла.

Да, такая жизнь пошла – новая и долгая. Зимой Василий Фомич снег разгребаёт, весной ручьи отводит, летом кусты подрезает, а осенью листву жжёт. Кладбище в трудах в печальный сад превратил. Но всё же каждую ночь к Прасковье возвращается и заново жизнь живёт.

Из деревни перестали похороны ездить. Мест на кладбище больше не было и про Василия Фомича забывать стали. Почтальоны менялись, а те которые новые, по адресу пенсию несли, а адрес простой: «кладбище». В деревне на этот счёт, кто ещё помнил, как Василий Фомич уходил, смеялись: мол, вон пенсию на кладбище понесли. Или по-другому – Ничего, и на кладбище пенсию получают. А тех, кто помнил, мало осталось. Если б Василий Фомич на виду жил, то наверняка к нему бы журналисты приезжали или учёные, потому что стукнуло ему сто десять лет, то бишь двадцать уж как с Прасковьей новой жизнью жил.

Но Василий Фомич не выходил с кладбища и никто про него не знал.

Не знали про Василия Фомича люди, потому как не выходил он с кладбища, да и деревня опустела, в упадок пришла. А он всё жил потихоньку, ровно и незаметно. Чем дальше, правда, тем больше удивлялся про себя. Всё у него, как и пристало старому человеку – и суставы ломит и сердце заходится, а вот смерть не идёт. Бывало, между могил снег чистит, остановиться, смотрит в небо и думает – Вишь как! Выходит на бессмертной женился, да и сам бессмертным стал – крякнет задумчиво, в кладбищенской тишине – то, и снова чистит. За работой время быстрее бежит, а значит скорее ночь, скорее Прасковью увидит.

К слову сказать, странным было ещё то, что молчали они о смерти и кладбище. Во снах-то. Кажется, и не помнили вовсе. Разве что случится такое: Сидит, к примеру, Василий Фомич с женой на завалинке – запах родной от Прасковьи идёт, дух жаркий от пышного тела чувствует и вдруг в памяти кладбище проплывает. Надгробия, кресты, фотографии умерших земляков видит, но зыбко, смутно так, что вроде это, как и есть сон. Или так: Привалится Василий Фомич к жене своей, голову на плечо ей положит и только задремлет, как тотчас в сторожке своей окажется. Могилы видит и едва понимает тогда, где быть, а где небыль.

Где быть, а где не быть, где сон, а где явь, едва теперь различал Василий Фомич. А с одного случая так и совсем перестал понимать...

Один раз пришлось Василию Фомичу самому в деревню идти. Почтальон не пришёл. Почти за четверть века впервые Василий Фомич в деревне появился. Медленно безобразной тенью прошёл по главной улице к старому сельсовету. Старый-то он для всех нынешних стал, а для старика другого и не существовало, поэтому подошёл он к развалившемуся крыльцу, да не видя, что здание брошенное, задержался у стендов с фотографиями передовиков. За грязным стеклом висело много фотокарточек. Были там и очень старые, ещё его времени людей, были и другие – лица которых ему незнакомы. Василий Фомич устало обвёл их глазами. Вот тебе на! – тихо прошептал он. Василий Фомич сразу заметил, что одни фотографии были для него обыкновенными, как на кладбище, а другие какими-то особенными. Разницу Василий

Фомич отчётливо увидел, но в чём она, сходу бы и не сказал. А вот что означала, понял. Те, что привычные, как с надгробий – фотокарточки умерших людей, другие: ясное дело – живых.

– Видать долго среди мёртвых я, раз уж видеть такое стал. – подумал Василий Фомич.

И тут взгляд его натолкнулся на портрет Прасковьи. Тоже ведь когда-то была передовой дояркой. Смотрит она щекастая, задорная, с фотокарточки пятидесятилетней давности, а Василия Фомича не умиление, не чувства нежные охватывают – ужас берёт. Видит он и понимает, по новому своему чутью, что фотокарточка то живого человека...

– Живая – выдохнул беззубым ртом Василий Фомич – Как же это!?

Как же это, как же это! – бормотал Василий Фомич, на кладбище возвращаясь. – Не было у нас фотокарточек-то, а то глядишь, увидел бы, на могилке-то. Да как оно увидишь-то! Я ж про дар свой не знал. Не знал, не знал, не знал. – Да не уж-то! – в голос воскликнул Василий Фомич страшное предчувствие – Да не уж-то!

Пришёл он и спрятался в строжке. Поперву выходить даже боялся. Затем вышел, и на могиле у Прасковьи сидел до сумерек. Думал всё, озирался – кладбище вокруг ухоженное, оградки рядком, дорожки аккуратные. У Прасковьи цветы лесные лежат. До ночи досидел. Хорошо, тепло было. Лето позднее. Василий Фомич с усталости, да от волнений на могиле заснул. Тут же, как повелось, к Прасковье переметнулся, молодым стал, но тревожность в нём вечерняя и там сохранилась. Сидит за столом угрюмый, всё помнит – про сельсовет, про фотокарточки. Дрожит аж. Прасковья со двора в дом заходит, а он прямо так и говорит: – Ты живая что ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.